Дело всей жизни...

Сборник научных трудов

DirectMEDIA

Коллектив авторов
Дело всей жизни…

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824560
Дело всей жизни…. Сборник научных трудов : Директ-Медиа; М.-Берлин; 2014
ISBN 978-5-4475-2556-9

Аннотация

Сборник научных трудов посвящен юбилею известного ученого-лингвофольклориста, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Евгении Борисовны Артеменко. Ее научная деятельность охватывает широкий круг вопросов фольклористики и лингвофольклористики, этнолингвистики, лингвопоэтики, лингвокультурологии. В рамках этой проблематики выполнены составившие содержание сборника работы учеников и коллег юбиляра – ученых, с которыми Евгению Борисовну связывает плодотворное сотрудничество, людей, близких по научным интересам, близких по духу. В сборник также включен хронологический список научных трудов Е. Б. Артеменко.

Содержание

ПРОФЕССОР ЕВГЕНИЯ БОРИСОВНА АРТЕМЕНКО 4
ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ… 6
ПОЛУВЕКОВОЙ ЮБИЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛЫ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ 20
ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕПЕВИДНОЙ СТРУКТУРЫ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ 35
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Дело всей жизни…

ПРОФЕССОР ЕВГЕНИЯ БОРИСОВНА АРТЕМЕНКО

Евгения Борисовна Артеменко – выпускница историко-филологического факультета Воронежского государственного университета. После окончания университета поступает в аспирантуру и под руководством профессора Петра Григорьевича Богатырева защищает кандидатскую диссертацию «Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне». Научный интерес Евгении Борисовны в это время направлен на изучение синтаксического строя русского фольклора.

Вся педагогическая деятельность профессора Е. Б. Артеменко (с 1957 года по настоящее время) связана с Воронежским государственным педагогическим университетом. С 1962 по 1964 гг. – декан историко- филологического факультета. В 1977 году она успешно защищает докторскую диссертацию «Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации». С 1977 года профессор Е. Б. Артеменко возглавляет кафедру общего языкознания и методики преподавания русского языка.

Лекции и специальные курсы Евгении Борисовны отличаются четкостью, научной логикой, убедительностью, новизной информации, их с особым интересом слушают студенты и преподаватели университета. Профессор Е. Б. Артеменко умеет увлечь научной работой студентов и аспирантов кафедры и факультета. Ею подготовлено 17 кандидатов наук, многие из которых сегодня работают в вузе.

Многолетний научный и педагогический труд Евгении Борисовны отмечен знаками «Отличник народного просвещения», «За отличные успехи в работе высшей школы СССР», «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Евгения Борисовна учится сама и учит других, а у нее есть чему поучиться. Ее преданность науке, добросовестное отношение к педагогическому труду заслуживают уважения. Свои собственные взгляды и убеждения профессор Е. Б. Артеменко не меняет в зависимости от конъюнктуры, отстаивает их с подлинной научной страстью. Как ученый и педагог Евгения Борисовна пользуется заслуженным уважением среди преподавателей и сотрудников университета, можно с уверенностью сказать: профессор Е. Б. Артеменко – это пример для подражания тем, кто стремится посвятить свою жизнь педагогической деятельности и научной работе.

РЕКТОРАТ
Воронежского государственного педагогического университета

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ…

(К юбилею профессора Е. Б. АРТЕМЕНКО)

Юбилей – особый рубеж в жизни каждого человека. Отличительное качество этого события состоит в том, что оно ставит перед самыми разными людьми множество неординарных вопросов. Оказывается, весьма непросто ответить на очевидный и прозрачный, на первый взгляд, вопрос: кем является профессор Евгения Борисовна Артеменко? Филологом, лингвофольклористом, лингвокультурологом, семиотиком, философом, историком?.. Безусловно, это один из тех случаев, когда перечисление не столько грозит оказаться неполным, сколько оказывается лишенным смысла. Евгения Борисовна является мыслителем универсального масштаба, что вполне органично сочетается с тем фактом, что она абсолютно очевидно принадлежит к специалистам в особо избранных научных областях. Личность ученого олицетворяет принцип дополнительности, а научная деятельность соизмерима с деятельностью целой команды ученых различного профиля. Профессор Е. Б. Артеменко принадлежит к особому типу исследователей, чье творчество настолько многообразно, что масштаб ее мысли, выраженной в слове, требует

особого механизма, особой технологии постижения и рождает многочисленные ростки нового знания и новых идей. Ее отличает удивительная способность к анализу различных явлений во всей их объективной сложности и глубине с учетом действующего в духовной сфере принципа наслоения. В трудах ученого находит свое отражение исследование модели мира, воплощенной в тексте, научный поиск в определенной плоскости, по определенному направлению и с непременным установочным стремлением понять строение и тайны бытия во всем многообразии их проявлений. Плоскости разреза и направления меняются, но одно не отрицает другого, а лишь обогащает предшествующее, формируя тем самым неповторимую модель и восприятия исследуемого мира, и его интерпретации. Отсюда присущая лишь настоящим ученым непрестанная диалектичность мышления при константности установки на мир как единое и органичное целое во всех его взаимосвязанных деталях и проявлениях. Евгения Борисовна наделена особым *даром философского удивления*, при котором нет в мире культуры составляющих, которые не могли бы быть подвергнуты рефлексии, не могли бы стать объектом размышления и научного интереса. Исследуемый предмет воссоздается заново, тем самым перестраивается вся совокупность знаний о нем.

Внешним образом эволюция ученого выглядит как постоянное расширение познавательного горизонта с последовательным углублением в философское осмысление языковых

явлений. Но по существу каждое конкретное исследование сопровождается глубинной трансформацией системы категорий гуманитарного знания и самого предмета, который представляется все более сложным по своему устройству и функциям. Как истинный ученый она обладает уникальной способностью постоянно удерживать в мыслительном поле единство многоразличного, вести живое взаимодействие с текстами как сложно организованными смыслами, обладает особой познавательной страстью, которая не верит в окончательность ответа, в финальность размышления.

Оригинальность интеллектуального дарования Евгении Борисовны открывает сущностные характеристики предмета исследования прежде всего в силу использования особой, авторской «исследовательской оптики». Вызывает восхищение целостность взгляда на объект исследования в сочетании с глубоко присущей профессору Е. Б. Артеменко как исследователю способностью отстраниться от хорошо известного, открытого в первом приближении и повернуть знакомое и привычное неожиданной новой гранью. Е. Б. Артеменко ведет непрерывный мысленный диалог с учеными и философами разных эпох, заражается их идеями, вступает с ними в дискуссию, развивает их концепции. Энциклопедическая память, блестящая аналитическая способность, нетрадиционность взглядов, эвристичность научных подходов как составляющие творческого процесса обусловливают органичное сочетание в работах Евгении Борисовны прочного на-

учного фундамента идей известных ученых, послуживших вдохновляющим стимулом для рождения новых идей, и важных для науки открытий. Познавательный оптимизм Е. Б. Артеменко особенно уникален в эпоху безудержной смены интеллектуальных мод и жестоких гносеологических разочарований. Евгения Борисовна обладает многими талантами, и ее одаренность проявилась бы при любом стечении обстоятельств и при любом повороте судьбы. Но абсолютно очевидно одно: без того, что сделано профессором в области лингвофольклористики, этнолингвистики, антропологической и когнитивной лингвистик, лингвокультурологии и других областях лингвистических знаний, наука была бы, безусловно, иной.

* * *

Многогранная научно-исследовательская деятельность известного ученого-лингвофольклориста, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Евгении Борисовны Артеменко посвящена исследованию языка русского фольклора как части традиционной народной культуры и явления sui generis. Евгения Борисовна работает в русле актуального и перспективного научного направления – лингвофольклористики. Под ее руководством сформировалась и успешно функционирует Воронежская научная школа лингвофольклористики, которая в 2007 году от-

метила свой полувековой юбилей.

Направления лингвотеоретических исследований отражают широту научных интересов юбиляра.

Евгения Борисовна окончила филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета.

Первый этап научных исследований был связан с изучением синтаксического строя русского фольклора. После обучения в аспирантуре у выдающегося слависта и фольклориста, члена Пражской школы структурализма, профессора МГУ Петра Григорьевича Богатырева Е. Б. Артеменко защитила кандидатскую диссертацию «Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне».

В 1977 году успешно проходит защита докторской диссертации и публикуется ее монографический вариант «Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации». Изучению подвергаются конструкции предложенческого типа. Исследователь показывает общеязыковые основы песенного синтаксиса и в то же время выявляет основные направления и формы его модификации в эстетическом плане, под влиянием мелодической и поэтической сторон песни, проводится комплексное изучение языка русского фольклора в связи с его музыкальной стороной и поэтико-стиховой организацией. Е. Б. Артеменко выявлены новые аспекты синтаксической организа-

ции стихотворного фольклора, связанные с переосмыслением явлений разговорной речи в художественно маркированные синтаксические структуры. Обобщая результаты собственных разысканий и наблюдений других ученых, Евгения Борисовна приходит к выводу о том, что язык устной народной поэзии представляет собой особую эстетически маркированную подсистему в системе национального языка.

Изучение устно-поэтического синтаксиса обусловило интерес Е. Б. Артеменко к решению актуальной проблемы текстообразования различных жанров фольклора, что и ознаменовало следующий этап ее научной деятельности. Центральная работа этого периода – монография «Принципы народно-песенного текстообразования», опубликованная в 1988 году и представляющая собой первое глубокое лингвистическое исследование структуры фольклорных текстов. Профессором Е. Б. Артеменко установлено существование особых единиц песенного текстообразования с регламентированной семантико- синтаксической структурой, выявлены принципы и модели их построения и функционирования, раскрыты важные стороны языкового механизма импровизационного варьирования песенных текстов. В этот период написаны работы, посвященные детальному анализу принципов и моделей песенного и былинного текстообразования.

Современный этап научной деятельности Евгении Борисовны ознаменовался осмыслением языка фольклора в аспекте когнитивной лингвистики, определением его онтоло-

гических свойств и специфики с позиций влияния на него народного менталитета. На первый план выходит историко-философское переосмысление самого феномена языка фольклора. По мнению ученого, эффективное изучение языковых основ народной словесности предполагает их анализ с более масштабных и многоаспектных позиций. Перспективным на этом пути представляется когнитивнокультурологический подход к самому фольклору и его языку. Языковые основы устно-поэтических произведений явились той субстанцией, в которой нашла свое выражение через стереотипы фольклорной традиции народная культура. Данное обстоятельство, по мнению Е. Б. Артеменко, делает язык фольклора одним из важных и уникальных источников изучения этой культуры и вводит в сферу анализа фольклорно-языкового строя культурологических аспект. Ученым фактически решена проблема метаязыка фольклорной традиции, эстетическая значимость которого определяется запечатленными в нем духовными ценностями. В центре внимания – исследование форм психического бытия фольклора и механизма продуцирования на их основе устнопоэтических текстов, определение специфической роли устно-поэтических культурных концептов по отношению к средствам их языкового выражения и поиск решения одной из наиболее актуальных проблем лингвофольклористики, связанной с определением генетических основ языкового строя фольклора.

Обращает на себя внимание неуклонное расширение круга привлекаемых к исследованию жанров: не только лирическая песня и былина, но и сказка, пословица, частушка и – как объект одного исследования – целый комплекс жанров.

Е. Б. Артеменко опубликовано свыше 120 работ по проблемам лингвофольклористики и другим вопросам языкознания. Под ее руководством защищены 17 кандидатских диссертаций.

На протяжении многих лет профессор Е. Б. Артеменко активно работает в качестве члена совета по защите докторских диссертаций при Воронежском государственном университете. В то же время она выполняет обязанности регионального представителя научного альманаха «Традиционная культура» (Москва), является членом Совета по фольклору при Отделении историко- филологических наук РАН.

Евгения Борисовна – объективный, ответственный и тонкий рецензент. Ее отзывы на статьи и диссертации всегда отличаются глубиной, точностью и перспективностью видения проблемы, умением выделить главное. Энциклопедичность и панорамность анализа сочетаются с неизменным научным тактом.

За заслуги в области просвещения и науки профессор Е. Б. Артеменко награждена знаками «Отличник народного просвещения», «Высшая школа СССР. За отличные успехи в работе», «За заслуги перед Воронежским государственным педагогическим университетом». За работу по препо-

даванию русского языка в ГДР Евгения Борисовна награждена медалью Гердера.

В 2000 году ей присвоено звание заслуженного деятеля науки РФ.

Многочисленные научные труды по проблемам лингвофольклористики и другим вопросам языкознания, известные далеко за пределами России, созданная Евгенией Борисовной научная школа лингвофольклористики с ее прекрасными традициями имеют очевидную культурологическую, лингвотеоретическую и практическую ценность, вносят весомый вклад в отечественную и зарубежную гуманитарную науку, играют особую роль в исследовании и возрождении русской культуры.

* * *

Главным объектом исследовательской работы на протяжении всех лет стало у Евгении Борисовны пространство любви к русскому слову, которое в благодарность за неизбывную любовь к нему дарит ей свою красоту, раскрывая свои богатства и тайны. И Евгения Борисовна, будучи человеком, обладающим завидным лекторским мастерством, щедро делится своими наблюдениями и открытиями со студентами, учителями, аспирантами, коллегами, благодарными слушателями бесчисленных конференций, семинаров, где ее всегда ожидает заслуженный успех и признание.

Евгения Борисовна Артеменко – талантливый педагог, блестящий лектор, способный легко и непринужденно ввести студентов в неведомый для них мир избранной профессии, приоткрыть им тайны мастерства, целенаправить на путь профессионального становления, раскрыть основные приоритеты специальности, увлечь любимым делом, заинтриговать, погрузить в мир творчества, в мир познания. Она обладает необходимой для педагога способностью трансформировать свои открытия в области фундаментальной науки в учебный материал. Стремясь обогатить своих учеников новейшими научными знаниями, она бережно вводит их в свою авторскую творческую лабораторию – лабораторию мастера, в которой они обретают возможность пройти путь личного и профессионального становления. Благодаря своему Учителю студенты уже с первых шагов усваивают важнейшую истину: основополагающим в профессии является труд души, а целенаправленная самореализация есть исполнение высшего закона. Профессор Е. Б. Артеменко буквально заражает студентов своей неудержимой волей к познанию и творчеству, открывает им путь в большую науку и в профессию.

Ученики сохраняют в своем сердце благодарность профессору не только за те знания, которые она им дает, но и за то, что своей требовательностью, органично связанной с доброжелательностью и чуткостью, необычайным педагогическим тактом и умением настойчиво вести учеников к постав-

ленной цели, она способствует формированию у будущих учителей- словесников, научных работников ответственности и неизменно творческого отношения к своей профессии.

Вся педагогическая деятельность профессора Е. Б. Артеменко (с 1957 года по настоящее время) связана с Воронежским государственным педагогическим институтом (с 1993 года – университетом). В ВГПУ, которому Е. Б. Артеменко отдала многие годы подвижнического труда, она читает курсы «Введение в филологию: основы науки о языке», «Теория языка», «История лингвистических учений», «Разговорная речь» и другие. На протяжении ряда лет она заведовала кафедрой русского языка, а затем кафедрой общего языкознания и методики преподавания русского языка. Евгения Борисовна динамична в своем мастерстве, открыта для всего нового и перспективного. Она принимает активное участие в работе по развитию уровневой системы подготовки бакалавров и магистров, внедрению инновационных форм организации учебного процесса в системе опытно-экспериментальной работы по созданию новой образовательной среды факультета русского языка и литературы педагогического университета. Она является проектировщиком и научным руководителем профессионально-образовательной программы подготовки магистров «Лингвокультурологическое образование».

Авторитетный ученый, творческая личность, высокопрофессиональный педагог, внимательный, чуткий и тонкий на-

учный руководитель и коллега, Евгения Борисовна Артеменко обладает неиссякаемой энергией и завидной трудоспособностью, огромным количеством творческих планов и исследовательских идей.

* * *

Промчались годы, словно скорый поезд, почти без остановок, годы, головокружительно насыщенные удивительно разноплановыми открытиями и достижениями. Одно оставалось на этом пути неизменным – сама Евгения Борисовна, с ее высоким нравственным максимализмом, тонким чутьем правды, кристальной честностью, умением жить активно, творчески, способностью брать на себя не только свои, но и чужие трудности. На этом построена вся ее жизнь – безупречная и достойная.

За этой датой – интересная и многогранная жизнь блистательного ученого, жизнь, раскрытие главных вех которой может составить основу серьезной научно- исследовательской работы.

Это событие знаменует не только высоту достигнутых и перспективы будущих жизненных и профессиональных свершений, но одновременно есть отражение и проявление самой глубинной сущности, квинтэссенции личности профессора Е. Б. Артеменко, личности человека, для которого честь – это непрерывное, всеобъемлющее *творчество*, а

ценность возможности всегда оставаться творческой личностью превыше всего. *Творчество – это и смысл жизни, и сама жизнь, и предназначение свыше!*

Для коллег и учеников Евгения Борисовна – всегда образец для подражания и «незримый судья» их поступков в преподавательской и научной деятельности. Душевная щедрость и мудрость Евгении Борисовны в трудные моменты помогает решить многие важные, порой кажущиеся неразрешимыми вопросы. Она является славным продолжателем лучших духовных традиций российской интеллигенции – порядочности и принципиальности, благородства и терпимости, бескорыстия и безупречной чистоты во всех делах и помыслах, любви к людям и преданности профессии.

Восхищает многогранность таланта и эрудиции Евгении Борисовны, глубина ее мыслей, удивительная преданностью любимому делу, которая приносит ей радость и удовлетворение, определяет постоянную активную жизненную позицию, заставляет всегда «быть на высоте».

Е. Б. Артеменко всегда находится в окружении коллег, учеников, друзей, знакомых, привлекает к себе неизбывное внимание одновременно искренним добродушием и открытостью, глубокими знаниями и неординарными суждениями. Все это рождает глубокое уважение и теплое чувство у тех, кто работает с ней, кто был и остается во многих смыслах ее учениками и последователями.

От всей души желаем Вам, дорогая Евгения Борисовна,

огромной жизненной и творческой энергии, работоспособности, неиссякаемых сил, согласия с миром и собой, неизменной внутренней гармонии. Желаем Вам успехов во всех Ваших начинаниях, очередных творческих взлетов, покорения все новых и новых научных вершин, талантливых и преданных своему делу учеников и последователей, достижения которых будут достойны имени любимого Учителя. Пусть то, что Вы созидаете как ученый, преподаватель, руководитель, проживает свою долгую жизнь в душах Ваших учеников, является неиссякаемым источником вдохновения и творчества, наполняет Вашу жизнь высоким смыслом и неподдельной радостью.

Будьте многие и долгие годы здоровы и благополучны! Всего Вам самого светлого и доброго!

С. И. ДОБРОВА,
декан факультета русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета

ПОЛУВЕКОВОЙ ЮБИЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛЫ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ

С. И. ДОБРОВА, В. А. ЧЕРВАНЕВА

Пребывание в 50-х гг. прошлого столетия в Воронеже выдающегося слависта и фольклориста П. Г. Богатырева, репрессированного сталинским режимом, деятельность ученого в Воронежском государственном университете оставили глубокий след в научной жизни города. В этом отношении показателен, в числе других, факт становления Воронежской школы лингвофольклористики, созданной ученицей П. Г. Богатырева, ныне профессором Воронежского государственного педагогического университета, заслуженным деятелем науки РФ Евгенией Борисовной Артеменко.

1950-е годы были временем формирования новой научной дисциплины, предметом которой стал язык фольклора как явление sui generis, – лингвофольклористики. Ее создание диктовалось потребностями комплексного изучения народной словесности: лингвофольклористика открывала путь к решению таких проблем, как язык фольклора и диалект (и, шире, народно-разговорная речь), языковые структуры и эстетическая функция фольклора, его языковой и мелодиче-

ский строй, языковые основы народной словесности и устно-поэтический стих, семантика языковых единиц и фольклорная семиотика, языковые (семантические) константы устно-поэтического текста и др. К числу ученых, стоявших у истоков лингвофольклористики, принадлежал и П. Г. Богатырев – исследователь чрезвычайно широкого диапазона [Богатырев 1973]. Под его руководством в Воронежском государственном университете был выполнен ряд диссертаций, в их числе и работа Е. Б. Артеменко, посвященная изучению синтаксических функций полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне.

Таким образом, начальный этап развития лингвофольклористики в Воронеже, в соответствии с первым научным опытом Е. Б. Артеменко, был отмечен обращением к вопросам **фольклорного синтаксиса**. Уже работы этого периода (и прежде всего докторская диссертация Е. Б. Артеменко и ее монографический вариант «Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации» [Артеменко 1977]) отличает комплексный характер: структура синтаксических единиц рассматривается в них с позиций ее взаимодействия с музыкальным и стиховым строем песенного фольклора. Указанный подход к фольклорно-синтаксическому строю с одновременным привлечением к анализу данных синтаксической организации разговорной речи позволил ученому выявить и описать структуры, посредством которых регламентируется рас-

пределение предикативной единицы по ряду стихов (феномен предикативной децентрализации). Это синтаксический параллелизм, позиционный, концентрирующий, цепной повторы, межстиховая атрибуция, местоименное дублирование и местоименная конденсация [Артеменко 1977; 1992; 1995; 1996; Артеменко, Доброва 2000; Артеменко, Писарева 1992]. С эстетических позиций синтаксические (и иные языковые) явления фольклора получили характеристику в работах: [Артеменко 1997; 1997а; 19976; 2001в]. У учеников Е. Б. Артеменко синтаксическая направленность диссертационных исследований была связана с разработкой вопросов специфики структурной организации предикативных единиц, строения и художественных функций биноминативных предикативных конструкций, паратактических структур, конструкций с семантико-грамматическим опосредованием и других явлений стихотворного фольклора (ср., например, кандидатские диссертации Л. Е. Писаревой «Структура предикативной единицы в русской народной лирической песне» (1992), Т. С. Масневской «Субстантивные биноминативные конструкции идентифицирующего и характеризующего типов в русской народной лирической песне» (1987), А. Т. Хроленко «Паратактические конструкции в русской народной лирической песне и проблема их продуктивности в современном поэтическом фольклоре» (1968), Н. В. Беляевой «Конструкции с семантико- грамматическим опосредованием в языке русской былины» (1994), Т. М. Ма-

лыхиной «Обстоятельства времени в тексте русской народной лирической песни и их роль в формировании его художественной структуры» (1989)). Особое место среди работ учеников Е. Б. Артеменко этого периода занимает кандидатское исследование М. А. Бобуновой («Диалектика народно- песенной речи (на материале фитонимической лексики в необрядовой русской народной лирической песне)» (1990)), в котором объектом анализа стали единицы лексического уровня фольклора.

Занятия устнопоэтическим синтаксисом побудили воронежских исследователей обратиться к материалу следующего, более высокого уровня фольклорно- языкового строя – **уровня текстообразования**. Е. Б. Артеменко в этой области были выявлены модели, на основе которых осуществляется организация текстов стихотворного фольклора, – модель лирической ситуации в песне, акциональная модель и модель дороги в былинном эпосе [Артеменко 1985; 1988а; 1991; 1993; 1994; 2000; 2001; 2001а; 2003; Черванева, Артеменко 2004]. Фольклорный текст получил характеристику также под углом зрения его композиционно- речевой организации [Артеменко 1982; 1987; 1988;

1988а] и свойственных ему повествовательных форм [Артеменко 1988; 1999]. Интерес к структуре устнопоэтического текста других представителей воронежской лингвофольклористики нашел выражение в работах, посвященных изучению идиолекта сказителя в аспекте былинного текстообра-

зования, конструкций ввода персонажей в текст волшебной сказки; исследованию структуры и художественных функций сказочного диалога, прямой речи и прямого высказывания в народной лирике, категории лица в лирическом тексте (ср. кандидатские диссертации Н. В. Макаровой «Идиолект сказителя в аспекте былинного текстообразования» (2000), Т. И. Мальцевой «Конструкции, репрезентирующие персонажей русской волшебной сказки» (2002), И. П. Черноусовой «Структура и художественные функции диалога в русской волшебной сказке» (1994), С. Е. Тихонова «Прямая речь и прямое высказывание в художественном строе народной лирики» (1987), М. А. Сердюк «Категория лица и се художественные функции в русской народной лирической песне» (2002)[1]. Функционированию явлений фольклорно- языкового строя в литературно-поэтическом тексте посвятила свою диссертацию «Фольклоризм как речевое средство (на материале лирических текстов А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама)» (1996) Е. Е. Топильская.

Новый этап деятельности Е. Б. Артеменко и ее последователей ознаменовался обращением к анализу языка фольклора с позиций влияния на него народного менталитета, **репрезентации языковыми средствами фольклорной концептосферы** [Артеменко 2001б; 2003а; 2004; 2004а; 2005; 2006; 2006а; 2006б]. Такой подход некогда был наме-

[1] По материалам диссертации М. А. Сердюк опубликована монография «Художественные функции категории лица в народной лирике» [Сердюк 2003].

чен еще А. А. Потебней, А. Н. Веселовским, В. Я. Проппом и другими представителями классической отечественной филологии. В современную эпоху он актуализируется в связи с использованием в сфере фольклора исследовательских принципов и установок успешно развивающихся в последние десятилетия областей науки – этнолингвистики, антропологической и когнитивной лингвистик. Для Е. Б. Артеменко немаловажным в этом отношении явился тот факт, что она как преподаватель вуза читает общетеоретические курсы языка.

Указанное направление исследовательской деятельности Е. Б. Артеменко сложилось в связи с попыткой установить генетические основы обнаруженных ею текстообразующих моделей. Циклический характер этих моделей навел исследовательницу на мысль о влиянии на фольклорно-языковой строй «циклического» образа жизнедеятельности носителей архаической и традиционной культур и, соответственно, восприятия ими времени как последовательно повторяющихся циклов событий. В свете этой идеи новое освещение получает фольклорный принцип вариативного воспроизведения заранее заданных инвариантов (принцип «эстетики тождества»), новую трактовку приобретает понятие устнопоэтической традиции [Артеменко 2001б; 2004; 2006а].

На базе «когнитивного» подхода к изучению языковых основ фольклора выполнили свои диссертационные исследования С. И. Доброва, В. А. Черванева и О. В. Волощенко. Ав-

тор первого из них, С. И. Доброва, в своей работе «Образный параллелизм в его структурно- семантических модификациях» (1998) сумела показать, как в структурно-семантических разновидностях художественного приема образного параллелизма отразилась эволюция ментальной сферы этноса. В. А. Черванева, автор диссертационной работы «Квантитативный аспект фольклорно-языковой картины мира (количественные характеристики концептов пространства и времени в их объективации вербальными средствами русской волшебной сказки)» (2003), подвергнув анализу под указанным углом зрения языковые реализации сказочной локальнотемпоральной концептосферы, вскрыла систему стоящих за ними традиционных культурных смыслов. Предметом диссертационного исследования О. В. Волощенко («Языковые основы фольклора в свете явлений традиционной народной культуры (на материале русской волшебной сказки)» (2006)) стали композиционно-речевые формы и глаголы ментальной деятельности в сказочном нарративе. Автором работы показана обусловленность специфических черт употребления названных явлений сказочной концептосферой, а специфики последней – явлениями социокультурного характера. Установленная О. В. Волощенко трехуровневая зависимость (явления традиционной культуры – концептосфера сказки – специфические черты ее языковой организации) дала молодому ученому основание говорить об опосредованном влиянии на указанную организацию социокультурного фактора, –

влиянии, осуществляемом через призму системы сказочных культурных концептов.

Расширенный вариант кандидатской диссертации С. И. Добровой получил монографическое воплощение в работе «Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия» [Доброва 2004]. В. А. Черваневой совместно с Е. Б. Артеменко опубликовано монографическое исследование «Пространство и время в фольклорно- языковой картине мира»; первым автором оно выполнено на материале сказки, вторым – на материале былинного эпоса [Черванева, Артеменко 2004].

Всего аспирантами Е. Б. Артеменко подготовлены и защищены 17 кандидатских диссертаций по лингвофольклористике. Обращает на себя внимание неуклонное расширение круга привлекаемых к исследованию жанров:

теперь это не только лирическая песня и былина, как вначале, но и сказка, пословица, частушка и – как объект одного исследования – целый комплекс жанров.

Базой Воронежской школы лингвофольклористики служит кафедра общего языкознания и методики преподавания русского языка Воронежского государственного педагогического университета, на которой работают профессор Е. Б. Артеменко, доценты С. И. Доброва. Т. С Масневская и (по совместительству) В. А. Черванева. Здесь и осуществляется руководство аспирантами. Подготовленные школой специалисты ведут преподавательскую деятельность в дру-

гих подразделениях ВГПУ и в ряде высших учебных заведений Центрально-Черноземного региона – в Воронежском и Курском государственных университетах, Липецком государственном педагогическом университете, Борисоглебском педагогическом институте, а также в Москве, Иркутске и даже… в далеком Салехарде.

Воронежская школа работает в тесном взаимодействии с двумя другими школами лингвофольклористики страны – Курской, руководимой учеником Е. Б. Артеменко профессором, заслуженным деятелем науки РФ А. Т. Хроленко, Петрозаводской, возглавляемой профессором З. К. Тарлановым, а также с кафедрой теории литературы и фольклора ВГУ.

Воронежские лингвофольклористы поддерживают творческие контакты с Государственным республиканским центром русского фольклора (выступления с докладами на конференциях, публикация статей в научном альманахе «Традиционная культура», журнале «Живая старина» и других изданиях Центра), Советом по фольклору при Отделении историко- филологических наук РАН, кафедрой русского устного народного творчества Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Центром типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Список литературы

1. Артеменко 1977 – Артеменко Е. Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж: ВГУ, 1977.

2. Артеменко 1982 – Артеменко Е. Б. О лингвистических основах композиционных приемов русского стихотворного фольклора // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1982. № 5. С. 11–18.

3. Артеменко 1985 – Артеменко Е. Б. Фольклорная формульность и вариативность в аспекте текстообразования // Язык русского фольклора. Петрозаводск: ПГУ, 1985. С. 4–12.

4. Артеменко 1987 – Артеменко Е. Б. Оппозиция «природа-человек» и композиционно-языковые формы ее выражения в русской народной лирической песне // Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения. Русский язык. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1987. С. 3–12.

5. Артеменко 1988 – Артеменко Е. Б. Взаимодействие планов изложения от 1-го и 3-го лица в русской народной лирике и его художественные функции // Язык русского фольклора. Петрозаводск: ПГУ, 1988. С. 25–33.

6. Артеменко 1988а – Артеменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж: ВГУ, 1988.

7. Артеменко 1991 – Артеменко Е. Б. Народно-песенное текстообразование: принципы и приемы // Фольклор в современном мире: Аспекты и пути исследования. М.: Наука, 1991. С. 69–77.

8. Артеменко 1992 – Артеменко Е. Б. О бифункциональном характере членов синтаксических конструкций в песенном фольклоре // Язык русского фольклора. Петрозаводск: ЛГУ, 1992. С. 5–13.

9. Артеменко 1993 – Артеменко Е. Б. Принципы организации народно-песенных текстов: былинное текстообразование // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 3. С. 57–68.

10. Артеменко 1994 – Артеменко Е. Б. Еще раз о диалектном / наддиалектном характере языка русского фольклора // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 1994. Вып. 3. С. 106–116.

11. Артеменко 1995 – Артеменко Е. Б. О художественно обусловленном употреблении местоимений в стихотворном фольклоре // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 1995. Вып. 5. С. 178–187.

12. Артеменко 1996 – Артеменко Е. Б. Народно-песенный стих с точки зрения его мелодической и структурно- синтаксической организации // Славянский стих. Стиховедение, лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1996. С. 215–223.

13. Артеменко 1997 – Артеменко Е. Б. О генетических основах явлений фольклорной поэтики // Филологические

записки. Воронеж: ВГУ, 1997. Вып. 8. С. 151–163.

14. Артеменко 1997а – Артеменко Е. Б. Изобразительно-выразительные средства языка фольклора: проблема специфики // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: ГРЦРФ, 1997. Вып. 1. С. 51–62.

15. Артеменко 1997 – Артеменко Е. Б. Язык фольклора: в чем его своеобразие? // Живая старина. 1997. № 4. С. 3–5.

16. Артеменко 1998 – Артеменко Е. Б. Композиционно-речевая организация былинного текста // Фольклор. Комплексная текстология. М.: Наследие (ИМЛИ РАН), 1998. С. 52–73.

17. Артеменко 1999 – Артеменко Е. Б. К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 1999. Вып. 11. С. 186–205.

18. Артеменко 2000 – Артеменко Е. Б. Путь былинного богатыря // Живая старина. 2000. № 2. С. 28–30.

19. Артеменко 2001 – Артеменко Е. Б. Былинное текстообразование: прибытие героя // Художественный мир традиционной культуры: Сб. статей к 75-летию В. Г. Смолицкого. М.: ГРЦРФ, 2001. С. 195–209.

20. Артеменко 2001а – Артеменко Е. Б. К вопросу о семантике и структуре акционального текстообразующего блока в былине // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы Всеросс. науч.практ. конф. Воронеж: ВГПУ, 2001. С. 215–221.

21. Артеменко 2001б – Артеменко Е. Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. № 2 (4). С. 11–17.

22. Артеменко 2001в – Артеменко Е. Б. К вопросу о специфике и типологии экспрессивно-языковых средств русского фольклора // Фольклор и литература: проблемы изучения. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 87–98.

23. Артеменко 2003 – Артеменко Е. Б. Фольклорная формула в аспекте ее функционирования и генезиса // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы П Всероос. науч.-практ. конф. Ч. II. Воронеж: ВГПУ, 2003. С. 63–73.

24. Артеменко 2003а – Артеменко Е. Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: ГРЦРФ, 2003. Вып. 5. С. 7–21.

25. Артеменко 2004 – Артеменко Е. Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества // Этнопоэтика и традиция. К 70- летию члена-корреспондента РАН В. М. Гацака. М.: Наука, 2004. С. 57–67.

26. Артеменко 2004а – Артеменко Е. Б. Фольклорная категоризация действительности и мифологическое мышление // Традиционная культура. 2004. № 3 (15). С. 3–12.

27. Артеменко 2005 – Артеменко Е. Б. Фольклорная формула и устнопоэтическая традиция // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы

III Всеросс. науч.-практ. конф. Ч. П. Воронеж: ВГПУ, 2005. С. 99–108.

28. Артеменко 2006 – Артеменко Е. Б. О некоторых направлениях междисциплинарных исследований на оси МИФ – ФОЛЬКЛОР – ЯЗЫК // Традиционная культура. 2006. № 2 (22). С. 11–21.

29. Артеменко 2006а – Артеменко Е. Б. Традиция в мифологической и фольклорной репрезентации // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. Т. И. М.: ГРЦРФ, 2006. С. 6–23.

30. Артеменко 20066 – Артеменко Е. Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: Сб. статей: Материалы науч. регион, конф. 2004 г. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 138–150. (Афанасьевский сборник. Материалы и исследования; вып. IV).

31. Артеменко, Доброва 2000 – Артеменко Е. Б., Доброва С. И Образный параллелизм в его концептуальном и языковом воплощении // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 2000. Вып. 14. С. 132–147.

32. Артеменко, Писарева 1992 – Артеменко Е. Б., Писарева Л. Е. Эстетически обусловленные модификации структурных схем предикативных единиц в стихотворном фольклоре // Синтагматика и парадигматика фольклорного слова. Курск: КГПИ, 1992. С. 20–37.

33. Богатырев 1973 – Богатырев П. Г. Язык фольклора //

Вопросы русского языкознания. 1973. № 5. С. 106–116.

34. Доброва 2004 – Доброва С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия. Воронеж: ВГПУ, 2004.

35. Сердюк 2003 – Сердюк М. А. Художественные функции категории лица в народной лирике. Борисоглебск: БГПИ, 2003.

36. Черванева, Артеменко 2004 – Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж: ВГПУ, 2004. По материалам публикации Полвека Воронежской школе лингвофольклористики // Традиционная культура: науч. альм. – М., 2007. – № 2 (26). – С. 74–78.

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕПЕВИДНОЙ СТРУКТУРЫ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

(на материале сказочных и заговорных текстов славян)

И. Ф. Амроян (Тольятти)

Исследования структуры фольклорного текста, которые были осуществлены нами в течение последних лет[2], показа-

[2] См.: Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). – М: Гос. республ. центр русского фольклора, 2005; Типология цепевидных структур Тольятти: Изд-во МАБиБД, 2000; О национальном своеобразии чешских цепевидных сказок Поэтика фольклора: Сборник статей: К 80-летнему юбилею проф. В. П. Аникина. – М.: Изд-во Моск. университета, 2005. – С. 186– 198; Структурная организация славянских заговорных текстов (к проблеме повтора) Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник материалов научно-рактической конференции. – М: ГРЦРФ, 2004. – Вып. 6. – С. 128–143; Нанизывание как прием структурообразующего повтора и его связь с абстрактными моделями связной речи. – Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник материалов научноактической конференции. – М: ГРЦРФ, 2003. – Вып. 5. – С. 30–38; Цепевидные структуры в болгарском фольклоре. – Наука о фольклоре сегодня: Междисциплинарные взаимодействия: К 70-летнему юбилею Ф. М.Селиванова. – М.: Диалог- МГУ, 1998. © Амроян И. Ф., 2009

ли, что цепевидная структура представляет собой линейную последовательность звеньев, соединенных между собой различными видами связи, возникающей между ними в процессе повторного воспроизведения, причем эта связь однородна лишь в рамках одного текста. Таким образом, основным компонентом такого рода структуры является звено.

Фундаментальной характеристикой звена как значимой единицы расчленения текста становится его целостность в смысловом плане и устойчивость его структурной организации. Между отдельными звеньями устанавливаются определенные, устойчивые для данного текста виды связи. Кроме того, на вербальном уровне звенья часто выступают как относительно устойчивые синтаксические конструкции.

Говорить о формировании звена можно только при наличии повторяемости, то есть если в тексте имеется как минимум еще два звена. Именно повторное воспроизведение в рамках одного текста определенного семантически целостного сегмента позволяет нам говорить о возникновении своего рода стереотипии, так сказать, «местного значения», которая становится более очевидной, если сопровождается и повтором внутренней структуры данного сегмента или отдельных синтаксических конструкций, входящих в его состав. И это отличает звено от множества стереотипов разного рода, которые современные исследователи[3] называют «фор-

[3] Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. – М., 1974; Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки. К проблеме стереотпности и вариативно-

мулами». Отличие этих стереотипов от звеньев в том, что они являются «общими местами» для всего сказочного фонда или какого-либо жанрового образования, а в одном отдельно взятом тексте не связаны между собой (кроме постоянно закрепленной за ними позиции – инициальной, медиальной или финальной).

Таким образом, звено обязано своим возникновением повторяемости, существующей на двух уровнях: структурно-композиционном и словесно-текстовом, причем их соотношение в каждом отдельном варианте может значительно варьироваться. Повторяемость, осуществляемая в плане словесного выражения, была обозначена нами термином *реприза*, чтобы еще раз подчеркнуть ее принципиальное отличие от формул, клише, типических мест и других видов словесной стереотипии. Реприза – это повторяющееся словесно-семантическое целое, структурно организующее текст. Реприза может быть одиночной – реприза-лексема, либо многочленной – реприза-синтагма (в нашем материале не зафиксирована), реприза-предложение, реприза блок предложений. Чем развитее структура репризы, тем четче очерчивается стереотипность воспроизводимых звеньев, тем отчетливее выступает общая структура произведения – его цепевидность. Соответственно, отсутствие репризы при сохра-

---

сти традиционной культуры // Советская этнография. – 1978. – № 5. – С. 1–28; Герасимова Н. М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Русский фольклор. – Л., 1978. – Т. XVIII. – С. 173–180.

нении повтора только общей идеи части текста, например эпизода, приводит к размыванию общей структуры произведения, к тому, что его цепевидная композиция ощущается достаточно слабо. Именно поэтому большинство ученых, в отличие от В. Я. Проппа (вспомним, что им были выделены формульный и эпический виды кумулятивных сказок), не относили такого рода конструкции к цепевидным (например, сказки типа «Волк-дурень»). Этот тип повтора можно назвать чисто структурным.

Поскольку в устном творчестве нет и не может быть четких граней между отдельными образованиями, одни формы в нем как бы перетекают в другие, постольку и в нашей работе не проводится резкой грани между произведениями, звенья которых образованы с использованием максимально развитой репризы и при ее отсутствии. Это, на наш взгляд, напрямую связано с возможной вариативностью структуры самой репризы. Произведения, в которых звенья содержат репризу- лексему или репризу-предложение, можно назвать промежуточными.

Однако важным является то, что отдельные звенья в своем линейном движении не только повторяют друг друга в каких-то определенных аспектах, то есть уподобляются, но одновременно и расподобляются. И это расподобление происходит на смысловом и содержательном уровнях. В составе каждого отдельного звена мы можем выделить три основных элемента. В сказочных текстах это – субъект, действие

(акция), которую он совершает, и объект, на который это действие направлено. В заговорных текстах это также субъект и действие, но объектный элемент чаще всего заменяется обстоятельственным, локативным (конструкция из двух элементов, один из которых варьируется, звеном не является[4]). Кроме основных элементов в состав звена могут входить один или несколько (что встречается крайне редко) дополнительных элементов: например, обстоятельство или качественная характеристика.

Итак, повторное воспроизведение какого-либо сегмента текста обязательно предполагает наличие элемента новизны: во-первых, может измениться либо субъект, либо объект или локус, либо акция (последнее встречается очень редко, причем только в заговорных текстах). Это значит, что варьироваться может лишь один из трех составляющих звено основных элементов. Однако варьирование может затронуть лишь

[4] Если звено включает два элемента – например, персонаж и его характеристику, из которых один выступает в качестве темы (то есть повторно воспроизводится), а второй в качестве ремы (то есть варьируется), то цепевидность не возникает: «Крест хранитель всея вселеннаыя; крест красота церкве; крест царем державы; крест ангелем слава…» (Савушкина, № 148). В данном примере в качестве темы выступает лексема «крест», а в качестве ремы – разнообразные определения. Сам прием не выходит за рамки стилистического приема анафоры. Цепевидность не возникает и тогда, когда, наоборот, характеристика каких-либо персонажей или предметов выступает в роли темы, то есть воспроизводится повторно, а сами определяемые варьируются:«Ты еси окаянная Тресея.Ты еси окаянная Огнея,Ты еси окаянная Недра…Ты еси окаянная Невея…» (Савушкина, № 148).В данном случае мы также можем говорить лишь о стилистическом приеме анафоры, а не о специфическом композиционном приеме.

дополнительный элемент звена.

Таким образом, подходя к практическому вычленению звеньев в тексте, мы учитываем два противоположных фактора – новизну и повторяемость.

Во-вторых, если повторно воспроизводятся все три составляющих звено основных элемента (при отсутствии дополнительных) – а с этим явлением мы сталкиваемся в докучных сказках и заговорах, то расподобление происходит только на смысловом уровне. Так, если мы имеем в виду докучные сказки, то каждый раз информация, заключенная в повторяемом тексте, сообщается как новая, еще неизвестная слушателю. Когда же мы рассматриваем заговоры, то каждое новое воспроизведение текста усиливает как его собственную магическую силу, так и силу текста, взятого в совокупности всех его повторных воспроизведений (и, опосредованно, всего ритуала, в контекст которого и включается рассматриваемый заговор в качестве вербальной составляющей).

Последовательно соединяясь друг с другом, звенья и образуют так называемую цепевидную структуру. Употребляя понятие «последовательно», мы имеем в виду то, что в следующих друг за другом звеньях, например в сказочных текстах, акции, совершаемые персонажем (персонажами) совершаются в хронологической последовательности. Ее мы можем обозначить как реалистичную последовательность. В заговорных же текстах понятие «последовательность» приобретает специфические черты, соответствующие контек-

сту. Последовательность совершения акций более условна – не зря в акциональных рядах всегда присутствует (эксплицитно или имплицитно) условный союз «если». Однако из контекста понятно, что предположения о, например, месте обитания болезни и ее отсылке туда также высказываются последовательно, болезнь последовательно отсылается в разные локусы, то есть мы имеем дело с пусть условной, но последовательностью.

Кроме того, если в сказочном тексте результативными будут либо все звенья (нанизывание мотива), либо только последнее (нанизывание акции), то в заговорных текстах результативной будет лишь совокупность всех акций, поскольку из контекста очевидно, что лишь произнесение всего набора акций приведет к изменению изначальной ситуации: болезнь уйдет к месту своего обитания и человек выздоровеет.

Проследим это на примере сказочного текста (сказка об упрямой жене) и текста заговорного:

«Один, вишь, женился. И поехали к тещи в гости. А ехали они пожней. // А она говорит:

– Это моего батюшки пожня, да моего батюшки береза, да моего батюшки косачи да тетери.

– Ну, нет, – муж говорит, косачи да тетери боговы. //

А она и говорит:

– Скажи – твоего батюшки косачи да тетери, а не скажешь – помру.

– Косачи и тетери боговы. //

Приехали к тещи, а она больная, с телеги не встает…

– А скажи: твоего батюшки косачи да тетери…

– Косачи да тетери боговы…//

Ну, она и померла» (Карнаухова, № 56).

Текст состоит из семи звеньев, три из которых мы привели. Каждое звено в смысловом плане повторяет предыдущее: упрямая баба требует от мужа признать, что птицы принадлежат ее отцу. Воспроизводятся все три основных элемента звена – субъект (жена), действие (задает вопрос и получает ответ), объект (муж). Однако расподобление также происходит: состояние упрямой бабы в каждом звене ухудшается (дополнительный обстоятельственный элемент). Все действия совершаются последовательно, каждое из них результативно: задан вопрос, получен ответ – состояние субъекта изменилось. Текст имеет цепевидную структуру, в основе которой лежит нанизывание мотива. Цепевидность подчеркивается наличием развернутой репризы.

В заговорных текстах мы имеем последовательное перечисление и отсылку (акция) болезни (субъекта) к очередному вероятному месту обитания (локус). Варьирует именно этот, третий из основных элементов, элемент звена (причем это характерно для всех трех заговорных традиций):

«С лесу пришло – на лес уходи. С народу пришло – на народ поди. С ветру пришло – на ветер поди» (ВФ, № 511), «… jsou li z vetru, aby sli zas do vetru, tam aby drivi v nejvettsich

houstinach lamali; jsou li z vody, aby sli zas do vody, tam aby pisek v nejvettsich hloubinach vazali; jsou li ze skal, aby sli zas do skal, tam aby skaly v nejvettsich skalinach lamali» (Erben, 1937, № 4, s. 417).

«Ако бъдете уроци от мъш, по него идете, ако бъдете уроци от жена, по нея идете, ако бъдете уроци от мома, по нея идете, ако бъдете уроци самодивски, по тях идете, ако бъдете уроци водни, по нея идете, ако бъдете уроци от ветър, по него идете…» (СБНУ, кн. 12, № 2, 3, с. 143).

Таким образом, перед нами сегменты текста, имеющие цепевидную структуру, в основе которой лежит прием нанизывания акции. Результативна вся цепь в целом.

Число звеньев в цепи бывает различным: от 3–5 звеньев (например, в сюжетах типа «Волк-дурень» «Колобок» или во вступительной части заговорного текста) вплоть до теоретически бесконечного (например, в докучных сказках).

Если цепь состоит из минимального количества звеньев (трех), то возникает необходимость различения приема нанизывания и приема утроения действия, также широко используемого в сказках, в том числе в сказках о животных. Формально эти приемы сходны, так как в обоих случаях, как правило, повторяется акция персонажа. В результате мы имеем повтор почти аналогичных сцен, текст которых на вербальном уровне, особенно если он содержит диалог, включает репризу. Примером может служить сказка «Лиса-повитуха» (АТ 15):

«…Лежит кума с кумом в избушке, да украдкою постукивает хвостиком. «Кума, кума, – говорит волк, – кто-то стучит». «А, знать, меня на повой зовут!» – бормочет лиса. «Так поди сходи», – говорит волк. Вот кума из избы да прямехонько к меду, нализалась и вернулась назад. «Что бог дал?» – спрашивает волк. «Початочек», – отвечает лисица.//

В другой раз опять лежит кума да постукивает хвостиком. «Кума! Кто-то стучится», – говорит волк. – «На повой, знать, зовут!» – «Так сходи». Пошла лисица, да опять к меду, нализалась досыта: медку только на донышке осталось. Приходит к волку. «Что бог дал?» – спрашивает волк. – «Середышек» // [Афанасьев, т. 1, № 9].

И в третий раз лиса точно так же обманула волка, а на его традиционный вопрос: «Что бог дал?» – отвечает: «Поскребышек».

На первый взгляд структура данного текста тождественна структуре текста на сюжет «Лиса и дятел» (АТ 56 Б), где лиса также три раза стучит хвостом по дереву, требуя у дятла птенца «для обучения». И в том, и в другом случаях диалог содержит репризу: «…стук-стук хвостищем по сырому дубищу. «Дятел, дятел, полезай с дубу долой. Мне дуб нада – сечихичики гнуть». – «Ей, лисанька! Не дала ты мне и одного детенышка-то высидеть». – «Ей, дятел! Брось ты мне, я его выучу кузнешному». Дятел ей бросил, а она кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела» [Афанасьев, т. 1, № 32].

Однако если в первом случае трехкратный повтор в смыс-

ловом отношении полностью исчерпывает ситуацию и новый повтор невозможен, то в сказке «Лиса и дятел» количество повторов внутренне не ограничено и может быть увеличено без ущерба для содержания.

В волшебных сказках мы также часто сталкиваемся с утроением, фактически являющимся минимальной цепью нанизывания, что было отмечено Т. В. Зуевой в работе «Волшебная сказка»[5]. В качестве доказательства, проведем сравнение двух текстов, содержащих эпизод набора помощников-животных. Так, в чешской сказке «Златовласка» (Erben, 1955, с. 55–60) герой получает трех помощников: муравьев, воронят и рыбу. В структурном отношении, соответственно, данный отрывок представляет собой цепь, состоящую из трех звеньев, скрепленных репризой-предложением – обещанием помощи в трудную минуту. Однако ни в смысловом, ни в структурном плане длина цепи не ограничена. Помощников, а соответственно, и звеньев в цепи нанизывания персонажей, могло бы быть и больше. Так, в болгарской сказке этот же эпизод формируется на основе цепи, состоящей из четырех звеньев: герой получает в помощники лису, волка, медведя и льва:

«Дигло <момчето> пушката да я <лисицата> убие. Она му рекла: «Не ме убивай! След малко че се окотим и че ти дадем лисиче». // По-натам сретнали вълк. Дигло пушката, а вълк му рекъл: «Не ме убивай! Скоро че се окотим и че ти

[5] Зуева Т. В. Волшебная сказка. – М., 1993. – С. 114.

дадем вълче». // По-натам го срещла мечка… // Най-после ги сретъл лъф…»[6] (СБНУ, кн. 49, № 8).

Однако текст может содержать маркер, ограничивающий длину цепи, хотя в смысловом плане никаких ограничений могло бы и не быть. Так, в чешской сказке «Дракон с двенадцатью головами» в тексте, предшествующем эпизоду набора помощников, указывается, что лес, в который попал герой, был «tři dni dlouhý». Соответственно, встречая каждый день нового зверя, герой мог получить лишь трех помощников:

«Když tak tím lesem šel první den, vyběhl proti němu vlk…// Druhý den vyběhl proti němu z houští medvěd…// Třetí den vyběhl proti němu lev…»[7] (Erben, 1949, c. 42–47).

Введение подобного маркера в текст – очень распространенный прием в волшебных сказках, динамичных по своей сути. Многие из них начинаются с указания на то, что у родителей было три сына, или что у трех матерей, отведавших волшебной рыбы, родились три сына, или что герою были вручены три яблока, которые можно было разломить только около воды, и так далее.

---

[6] Вскинул <юноша> ружье, прицелился в лисицу. Она ему и говорит: «Не убивая меня! Скоро у меня родятся лисята и я отдам тебе одного». Потом им встретился волк. Вскинул ружье, а волк ему и говорит: «Не убивая меня! Скоро у меня родятся волчата и я отдам тебе одного». Потом им встретился медведь… Потом им встретился лев…

[7] Шел он по лесу в первый день, навстречу ему – волк. На второй день навстречу ему вышел медведь… На третий день навстречу ему вышел лев…

Достаточно часто нам приходится сталкиваться и с проблемой различения троичности как минимального количества множественности и утроения как результата расщепления одного из элементов двоичности. В последнем случае «все многообразие плана выражения вызывается… тождественными функциональными причинами: выделением из троичной конструкции третьего звена как действительного, истинного, «настоящего» в противовес предшествующим – несущественным, ложным, ненастоящим»[8]. То есть за такого рода троичностью всегда стоит противопоставление двух планов – планов истинного и ложного героя. Причем в реальности сказочного текста элемент ложного героя может расщепиться и на три составляющие (теоретически их число может быть и большим). Так, в сказке о Белом Полянине есть эпизод встречи побратимов с дедом. Встреча происходит четыре раза, то есть перед нами цепь нанизывания, состоящая из четырех звеньев, дополнительно скрепленных репризой:

"Утром три брата на охоту поехали, а Ивана- царевича дома оставили… Он наварил, нажарил к обеду всякой всячины, сел на лавке да трубку покуривает. Вдруг едет старый *дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженей лита, и просит милостыни. Царенко дает ему* целый хлеб*; дед не за* хлеб*, за него берется, крючком да в ступу, толк-толк, снял у него со спины полосу да самых плечей, взял половою натер да под пол бросил… Вернулись братья*

[8] Структура волшебной сказки. – М., 2001, с. 82–83.

с охоты, спрашивают Царенка: «Никого у тебя не было?» – «Я никого не видел; разве вы кого?» – «*Нет, и мы не видали!»//*

На другой день дома остался Иван Поваренко…//

На третий день дома остался Белый Полянин…//

На четвертый день остался дома Иван Сученко…// (Афанасьев, т. 1, № 139).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.